

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.Б. Каменский

**ПОДДАНСТВО, ЛОЯЛЬНОСТЬ,
ПАТРИОТИЗМ В ИМПЕРСКОМ
ДИСКУРСЕ РОССИИ XVIII В.:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Препринт WP6/2007/04
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Москва
ГУ ВШЭ
2007

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

К18 **Каменский А.Б.** Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы: Препринт WP6/2007/04. — М.: ГУ ВШЭ, 2007. — 48 с.

В работе рассматриваются состояние историографии и ряд методологических проблем, с которыми сталкивается исследователь, изучающий языки самоописания империи, в частности, формирование категорий подданства и патриотизма в начальный период существования Российской империи. По мнению автора, основные проблемы связаны со слабой проработанностью ключевых понятий, которыми оперирует большинство исследователей, а также отсутствием попыток синтеза различных исследовательских стратегий.

УДК 930
ББК 63

Kamensky A. Subjecthood, Loyalty and Patriotism in Russian 18th Century Imperial Discourse: Research Problems: Working Paper WP6/2007/04. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2007. — 48 p.

The paper deals with historiography and some methodological problems that a researcher, who studies languages of the Empire's self description, comes across. Special attention is paid to the formation of such categories as subjecthood, loyalty and patriotism in the first stage of Russian Empire's history. In the author's opinion the main problems are the low level of work on defining the key notions that most researchers widely use as well as the lack of attempts at synthesis of different research strategies.

Данная работа представляет собой расширенный и переработанный вариант статьи, опубликованной в журнале *Ab Imperio*, 2006, № 4.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© Каменский А.Б., 2007
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007

Наблюдаемый в последнее время беспрецедентный всплеск интереса к проблематике империи, выразившийся в сотнях новых исследований, охватывающих такой широкий спектр сюжетов, как собственно феномен империи и ее политика, механизмы имперской власти, имперские элиты, центр и периферия, межэтнические отношения, национализм, языки и память империи и многое другое, отрефлексирован самими участниками этого направления как вызванный, с одной стороны, уходом феномена империи в историческое небытие, а с другой — рождением, как считают некоторые исследователи, новых империй эпохи глобализма. В историографическом плане, однако, данное направление, конституирующее себя, по определению редакции специализирующегося на этой проблематике журнала «*Ab Imperio*», как «новая имперская история»¹, по крайней мере применительно к западной науке, играет, как представляется, до некоторой степени компенсаторную функцию, в определенной мере заменив собою почившую в бозе советологию. В то же время компенсаторная функция «новой имперской истории» (и это уже относится не только к западной, но и к российской, или шире — восточноевропейской науке) выражается еще и в том, что в то время как, начиная с 1980-х гг., своего рода «мейнстримом» исторической науки стали отпочковавшиеся от исторической антропологии микроистория, история частной жизни, история повседневности, локальная история и т.д., занятия проблематикой империи позволяют оставаться преимущественно в рамках более привычного метанарратива. Впрочем, «новая имперская история» является новой не только из-за постановки вопросов и круга охватываемых ею проблем, но и потому, что, во-первых, носит столь же полидисциплинарный характер, что и любое из направлений «мейнстрима», и, во-вторых, естественно, не может игнорировать выработанные и успешно апробированные в рамках этого «мейнстрима» методы и подходы. Все это неизбежно ведет к их пересечению. Область этого пересечения можно условно обозначить как самосознание, или менталитет (иначе — языки самоописания) империи. Важно при этом подчеркнуть, что не без влияния исторической антропологии новизна подхода, демонстрируемого в появляющихся на эту тему исследованиях, заключается еще и в том, что речь в них идет не только о самосознании

¹ См.: В поисках новой имперской истории // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост.: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. С. 7–29.

и идеологии власти, в т.ч. выраженных в менталитете элит, но и иных социальных слоев. Изучаются особенности мировосприятия, социальной психологии, а в конечном счете идентичности «простого», «обычного», «рядового» жителя империи, его осознание себя в качестве члена имперского целого. Пожалуй, один из наиболее интересных вопросов при этом состоит в том, является ли подданный империи таким же носителем «имперской идеологии», как и тот, кто им правит, и в какой степени их мировосприятие совпадает? Будучи при этом результатом взаимодействия многих акторов с различными, подчас прямо противоположными интересами, империя как единый субъект исторического процесса — это в определенной мере условность. Стимулируя у своих подданных сознание себя, у разных акторов империя порождает разные, подчас противоположные, смыслы и образы. С этой точки зрения «самосознание империи» или «менталитет империи» — это скорее метафоры, и задача исследователя состоит в том, чтобы выяснить, сколько в действительности имперского в самосознании того или иного актора и как это проявляется в его языке самоописания.

Применительно к Российской империи здесь, на мой взгляд, существует обширное и малоисследованное пространство, причем в особенности это справедливо для начального периода ее существования — от провозглашения Петром Великим в 1721 г. до «золотого века» эпохи Екатерины II. Именно в это время в основном формируются пространство и ментальный образ империи, ее институты и властные, в том числе идеологические, практики, складываются и апробируются традиции взаимоотношений центра и периферии, определяется место в системе международной политики — словом, все те элементы, что в совокупности и составляют само понятие «Российская империя». Рождение в ходе петровских преобразований новой страны предполагало и переосмысление основополагающих принципов взаимоотношений власти и подданных, выработку новых, основанных на иной идейной базе, форм политической лояльности и их выражения. Именно в это время на повестке дня впервые оказываются такие основополагающие вопросы зарождающейся тогда же русской общественной мысли, как «Россия — Запад», закладываются идеологические основы того, что уже в следующем столетии станет «русским патриотизмом» и «русским национализмом».

У этих сложных процессов было несколько важных особенностей. Во-первых, будучи прямым следствием и продолжением всей предшествующей истории России, они одновременно основывались на ее идейном

отрицании. Во-вторых, они протекали на фоне интенсивного складывания заново, в имперском контексте русского национального сознания, национальной идентичности, которая парадоксальным образом обрела зримые черты как раз к тому времени, когда в Западной Европе созревает идея нации и нации-государства, а сама Российская империя переживает свой «золотой век». В-третьих, во всех этих процессах, во всех элементах складывающегося организма империи беспрецедентно велика была роль внешних, осознанных и бессознательных заимствований. Наконец, в-четвертых, все эти процессы были спрессованы во времени, накладывались друг на друга, порождая, особенно в культурной сфере, труднообъяснимые и крайне противоречивые явления².

Совершенно очевидно, что для исторической науки означенная проблематика не является принципиально новой. Напротив, ее историография весьма обширна: «общественная» и «общественно-политическая» мысль и Московской Руси XVI—XVII вв., и России XVIII в., да и непосредственно категории, вынесенные в заглавие данной работы, имеют богатую историографическую традицию, успешно продолженную и развиваемую современными исследователями, в том числе и с привлечением новых методов и подходов. Так, лишь в самое последнее время появилось несколько монографических исследований, в той или иной степени затрагивающих соответствующий круг проблем и отличающихся постановкой новых вопросов и поисками новых путей их решения, включая использование новых аналитических категорий³. И все же, составить на основе существующих исследований некую целостную, соответствующую современному уровню развития науки и отвечающую на поставленные ею вопросы, картину оказывается совсем непросто: она распадается на отдельные фрагменты, описание различных процессов и явлений, связ-

² Фактор времени представляется вообще чрезвычайно важным при изучении феномена Российской империи. Если предположить существование некоей идеальной, образцовой империи, то по сравнению с ней многие элементы Российской империи оказываются деформированными именно в силу того, что она складывается в сжатые сроки и ориентируется на Западную Европу, где в это время превалирует процесс формирования национальных государств.

³ См. например: *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000; *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001; *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX в. СПб., 2004; *Проскурина В.Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. Показательно, что из четырех названных книг лишь одна написана историком.

ки между которыми пока еще недостаточно обозначены и осмыслены. К тому же возникает ощущение, что сложившиеся в историографии представления носят в значительной мере именно описательный характер, т.е. преимущественно описывают, фиксируют определенные явления и в гораздо меньшей степени их объясняют и интерпретируют. При этом в силу особенностей источниковой базы русской истории XVIII в. существующие исследования опять же посвящены преимущественно образованным, элитарным слоям русского общества, оставившим по себе соответствующие письменные свидетельства. Закрепившиеся в историографии представления, требующие дополнительной верификации с учетом новейших подходов, таким образом, на мой взгляд, лишены целостности, противоречивы, оставляют ощущение неполноты и необходимости поиска иных объяснительных схем. Причем (что в принципе характерно для современной историографии) и в данной проблематике не выработан пока сколько-нибудь определенный понятийно-категориальный аппарат: исследователи оперируют множеством разнообразных понятий как из багажа традиционной науки, так и из современной социологии, политологии, этнологии, культурологии и т.д., в результате чего зачастую одни и те же явления и процессы описываются столь различно, что их трудно распознать, а результаты исследований оказываются трудно совместимыми.

Характерный пример в этом отношении представляет собой состоявшаяся в июне 2006 г. конференция «Век XVIII. Трансфер и адаптация европейских идей в российском историческом контексте», организованная Германским историческим институтом в Москве, на которой отчетливо проявились многоаспектность означенной проблематики и разнообразие возможных подходов к ее изучению (что само по себе можно только приветствовать)⁴. Несмотря на достаточно тривиально сформулированную тему конференции⁵, некоторые из представленных на ней докладов неожиданно, поскольку такая задача перед участниками не ставилась, оказались так или иначе посвящены как раз проблеме идентичности подданного Российской империи в первый век ее существования. Сам по себе этот факт в историографическом плане весьма примечателен, поскольку лишний

⁴ Полную программу конференции см.: www.dhi-moskau.de/TerminR20050603-Dateien/Programm%20der%20Konferenz-rus.

⁵ Рецепция западноевропейских идей в России XVIII в. — одна из наиболее популярных исследовательских тем последних 15 лет, и ей было посвящено множество международных конференций.

раз свидетельствует о том, что идеи, как говорится, «носятся в воздухе» и совершенно разные исследователи независимо друг от друга обращаются к одной и той же проблематике, скорее ощущая, чем осознавая ее актуальность. Но одновременно с этим сделанные на конференции доклады, к некоторым из которых я еще вернусь, показали сложность «стыковки» результатов, полученных разными исследователями.

Именно в силу сказанного выше в данной работе не ставится задача дать исчерпывающую характеристику категорий подданства, лояльности, патриотизма в России XVIII в., но делается попытка обозначить некоторые исследовательские проблемы и возможные подходы к их решению. Также в силу того, что состояние историографии не дает возможности представить целостную картину, текст работы разбит на несколько ключевых сюжетов, связи между которыми хотя и очевидны, но еще нуждаются в проработке на эмпирическом уровне, и которыми означенная проблематика далеко не исчерпывается.

Сюжет 1: Вотчина — государство — империя

Преданность, лояльность, патриотизм, подданство и в допетровской, и в послепетровской России имели два объекта — государя и саму страну. Соотношение этих двух объектов в мирознании русских людей в разное время было различным, и его исследование представляет важную исследовательскую задачу, о чем чуть подробнее будет сказано ниже. Но для начала зададимся вопросом: чем, собственно, была Россия, та страна, по отношению к которой ее житель испытывал или не испытывал соответствующие чувства, как политическое образование?

Казалось бы, ответ на этот вопрос — это та отправная точка, отсутствие которой делает вообще невозможным какое-либо изучение русской истории. Однако в начале XXI в. приходится констатировать, что ничего даже близкого к консенсусу по этому вопросу нет. Как известно, проблема истории российской государственности всегда была спорной и весьма политизированной, причем совсем не случайно сама она возникла именно в XVIII в. и связана с именем М.В. Ломоносова, к которому мы также еще вернемся. Но дискуссия Ломоносова с Г.Ф. Миллером, и споры всех последующих норманистов и антинорманистов, в сущности, сводилась к поискам создателя «Русского государства», в то время как дата его возникновения (IX в.) ни у тех, ни у других по большей части сомнения не вызывала. На протяжении длительного времени, а в осо-

бенности в течение советских десятилетий словосочетания «Древнерусское государство», «Московское государство», «Русское средневековое государство» были общеупотребительными и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Между тем сразу заметим, что если «Московское государство» — это самоназвание, то два других — плод творчества историков. Впрочем, некоторые дореволюционные историки все же признавали, что «единого» древнерусского государства никогда не существовало, а М.Н. Покровский со свойственной ему большевистской прямоотой и вовсе писал, что «никакой почвы для “единого” государства — и вообще государства в современном нам смысле слова — здесь не было»⁶. После разгрома оказавшейся враждебной советской науке школы Покровского дата возникновения государства на Руси фактически не оспаривалась примерно до 1980-х гг., когда она была поставлена под сомнение И.Я. Фрояновым и его учениками. Последние полагают, что Киевская Русь носила доклассовый, потестарный, т.е. «догосударственный» характер, или, иначе говоря, была еще не государством, а протогосударством⁷. Сторонники этой точки зрения утверждают, что государство на Руси появляется не ранее XIV–XV вв. Хотя в 1980-е гг. работы Фроянова были восприняты официальной советской исторической наукой во главе с Б.А. Рыбаковым как чуть ли не диссидентские, в действительности они основывались исключительно на положениях марксистской теории и ленинском определении государства. Однако парадоксальным образом мнение Фроянова и его сторонников оказалось близким к точке зрения многих современных западных исследователей, считающих, что государство — это вообще феномен Нового времени и, соответственно, этим термином следует обозначать только ту политическую организацию, которая возникает на рубеже XV–XVI вв.⁸ Характерна в этом отношении изданная недавно на русском языке книга из-

⁶ Цит. по: *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 165.

⁷ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 31–32. См. также: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988; *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

⁸ См. об этом: *Лезов С.* Правовое государство в интеллектуальной традиции // Российский бюллетень по правам человека. М., 1994. Вып. 3. См. также: *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках / Под ред. О. Хархордина. СПб., 2002. С. 12–74.

раильского историка М. Ван Кревельда «Расцвет и упадок государства». Первая глава ее называется «До государства: от доисторических времен до 1300 г. н.э.», вторая — «Зарождение государства: 1300–1648 гг.». Соответственно, лишь последующие главы книги, описывающие период после 1648 г., посвящены собственно государству⁹.

В наше время, когда ленинское определение государства как аппарата насилия одного класса над другими уже не является для российских историков единственно допустимым, а представления, распространенные в западной историографии, невозможно игнорировать, в исследовательском плане ситуация становится еще более запутанной. В современной науке существует множество определений государства как «формы социально-политической системы», «политико-территориальной суверенной организации публичной власти», «особого типа социальных связей и явлений», «социальной организации, имеющей конечную власть над всеми людьми, проживающими в границах определенной территории, и имеющей главной своей целью решение общих проблем и обеспечение общего блага», «политической самоорганизации общества» и т.д.¹⁰ Весьма оригинальное определение предлагает уже упоминавшийся Ван Кревельд. Отмечая, что государство — «это абстрактная сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать», он далее утверждает, что «государство, будучи отделено и от его членов, и от его правителей, является корпорацией», подобной университетам, профсоюзам и церквям. При этом, «самое главное — государство является корпорацией в том смысле, что оно выступает юридическим лицом (persona), из чего следует, что оно имеет права и обязанности, а также может заниматься различными видами деятельности, как если бы оно являлось живым существом из плоти и крови»¹¹.

Вполне очевидно, что при таком многообразии подходов, как и во многих иных подобных случаях, решение вопроса о возникновении Русского государства зависит от выбора исследовательской парадигмы, а проще говоря, от того, что именно каждый исследователь понимает под категорией *государство*. Другое дело, что абсолютное большинство исследователей, пользующихся этой категорией применительно к исто-

⁹ *Ван Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. М., 2006.

¹⁰ См.: *Алексеев С.С.* Государство и право. М., 1996; *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку. М., 1997.

¹¹ *Ван Кревельд М.* Указ. соч. С. 11.

рии России самых разных периодов, скорее всего над ее содержанием вообще не задумываются. Стоит также обратить внимание на то, что поисками дефиниции *государства* заняты естественно не историки, а политологи и правоведы.

Однако что касается московского периода русской истории, непосредственно предшествующего провозглашению России империей, никаких сомнений в том, что Московская Русь уже была государством, у большинства исследователей, по-видимому, нет. Действительно, начиная с конца XV — начала XVI в. мы наблюдаем на Руси вполне сложившуюся систему политической власти с соответствующими институтами и определенной идеологической основой, социальную структуру с соответствующими отношениями между стратами и многое другое, что, по крайней мере, на первый взгляд, вполне удовлетворяет большинству определений государства¹².

Все сказанное выше достаточно банально и сказано лишь для того, чтобы обратить внимание на один парадокс. Исследователи Российской империи, кажется, едины в том, что официальная дата ее рождения — 1721 г. — весьма условна, а ее реальная история начинается значительно раньше, по меньшей мере с рубежа XV — XVI вв., и уж определенно — с середины XVI в., когда, по выражению А. Каппелера, Москва приступает к «собираанию земель Золотой Орды»¹³ и Московская Русь превращается в полиэтничное и поликонфессиональное образование¹⁴. Между тем в современной литературе понятия государство и империя принято

¹² Отсутствие разногласий относительно того, была ли Московская Русь государством, не означает, как известно, единства взглядов о его характере, который определяют и как «феодалную монархию», и как «восточную деспотию», «традиционное общество», «патримониальное общество», «воспроизводящее общество», «сословно-представительную монархию», «служилое государство» и пр. Существование столь обширного набора определений указывает, на мой взгляд, на непродуктивность самого пути их поиска.

¹³ *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1997.

¹⁴ В качестве дополнительного аргумента здесь стоит вспомнить, что, как принято считать, государственное строительство Московской Руси было ориентировано на две модели — монгольскую и византийскую, но при этом редко обращается внимание на то, что обе они были *имперскими*. Попутно замечу, что это обстоятельство обычно как-то ускользает и от внимания тех, кто спорит о том, какое влияние — монгольское или византийское — было более сильным. При этом все сравнения строятся по модели Русь — Орда или Русь — Византия, но мне неизвестны какие-либо компаративные монгольско-византийские исследования, которые, думается, могли бы быть интересны и продуктивны.

если не противопоставлять, то по крайней мере разводить, хотя при этом и отмечается, что «империи Нового времени более или менее успешно стремились стать государствами, а в своем ядре — даже национальными государствами»¹⁵.

Весьма показательны в этом отношении соответствующие разделы книги Ван Кревельда. В принципе империи как политические системы он относит к догосударственному периоду истории человечества, резонно отмечая, что «централизация власти сама по себе еще не равносильна созданию государства»¹⁶. Переходя в главе 5 своей книги, озаглавленной «Распространение государства: 1696—1975», к описанию процессов в Восточной Европе, он утверждает, что «самыми ранними политическими образованиями, которые можно назвать государствами, были Франция, Испания, Португалия, Великобритания, страны, составлявшие Священную Римскую империю, страны Скандинавии и Голландия», а «первой страной после вышеперечисленных, которая стала государством или чем-то вроде того, была Россия. Строительство государства началось, когда Петр I Великий обрел фактическую власть». При этом однако уже «Россию в XVI—XVII вв., пожалуй, можно охарактеризовать как развивающуюся патриархальную империю, управляемую царем, чья власть, благодаря завоеванию новых земель становилась все более и более абсолютной». Слово сочетание «чем-то вроде того» проскользнуло у Кревельда неслучайно. Отмечая особенности созданного Петром государства, в частности, отсутствие в нем гражданского общества, он затем приходит к достаточно парадоксальному и противоречивому выводу о том, что, с одной стороны, в России было успешно построено «централизованное политическое сообщество», а с другой, она так и не превратилась в «полноценное государство». Между тем из приведенного тут же краткого обзора событий русской истории XVIII—XIX вв. (к сожалению, изобилующего множеством ошибок) можно понять, что в качестве политической системы Россия, согласно Кревельду, была с этого времени именно государством, а империей лишь по самоназванию, причем автор использует оба эти слова фактически как синонимы¹⁷.

Впрочем, если вспомнить слова Кревельда о государстве как «абстрактной сущности», то становится вполне очевидным, что и *государство*,

¹⁵ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 214.

¹⁶ *Ван Кревельд М.* Указ. соч. С.160.

¹⁷ Там же. С. 325—341.

и империя — это лишь аналитические категории, и, по сути, мы имеем дело с характерной для современной исторической науки терминологической путаницей, связанной с использованием в качестве терминов исторических понятий, менявших со временем свое содержание и к тому же использовавшихся в качестве самоназваний. Так, к примеру, если согласиться, что *государство* — это вообще феномен именно Нового времени, а для Европы Нового времени характерно построение *национальных государств*, то правомерно ли вообще разделение этих двух понятий и были ли в истории *не национальные государства*?¹⁸ А если были, то не империи ли это?¹⁹

Если добавить к сказанному, что никакой общепризнанной дефиниции империи также не существует и значительная часть занимающихся «имперской» проблематикой исследователей предпочитают считать империями те страны, которые сами себя так называли, то становится очевидным, что поиски ответа на поставленный вопрос подобным путем превращаются по сути в «игру в бисер». К счастью, современная наука подсказывает нам другой путь — через понимание этих категорий самими историческими акторами.

Прежде всего стоит напомнить: по крайней мере со времени Н.М. Карамзина принято считать, что и в домонгольский, и в ордынский, и в московский период русские князья рассматривали княжества, которыми управляли, как в первую очередь свои вотчины, владения, а всю Русь — как коллективное владение рода Рюриковичей. С.М. Соловьев писал, что «волости находятся в совершенной независимости одна от другой и от Киева, являются отдельными землями и в то же время составляют

¹⁸ Мне легко представить возражение оппонента: как и всякие аналитические категории, понятия *государство* и *империя* в «чистом» виде в истории не встречаются, и едва ли не любое политическое образование Нового времени несло в себе черты того и другого, но при этом в каждом конкретном случае те или иные черты преобладали. Подобный подход, конечно же, вполне допустим, но, как показывает практика, его прямым следствием, особенно применительно к России, оказывается возникновение таких категорий, как *русский феодализм*, *русский абсолютизм* и пр., которыми описывается специфически русское явление, называемое термином, заимствованным из западной науки, где под ним понимается нечто совершенно иное. Конструирование подобных словосочетаний — это, с одной стороны, путь утверждения особенности русской истории, а с другой — ее соответствия мировой. Однако, на мой взгляд, подобным образом лишь создается опасная иллюзия знания прошлого, а следующим логическим шагом становится появление словосочетаний типа «суверенная демократия».

¹⁹ См.: *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 213–214.

одно нераздельное целое вследствие родовых княжеских отношений, вследствие того, что князья считают всю землю своею отчиною, нераздельным владением целого рода своего»²⁰. Правда, с подобным представлением согласны далеко не все. Так, Фроянов отмечал, что «верховная собственность князя на территорию управляемой им волости немыслима в условиях постоянного перемещения князей по Руси, замечаемого на протяжении второй половины XI–XII столетий»²¹. Однако речь, конечно же, идет не столько о юридически закрепленном праве верховной собственности на землю (само понятие собственности совсем не случайно появляется в русском праве лишь в XVIII в.), сколько о восприятии принадлежности земли самими князьями, хотя являющиеся юридическими документами духовные грамоты даже гораздо более позднего времени свидетельствуют о том, что князья распоряжались Русью именно как вотчиной, деля ее на наследственные уделы для своих сыновей.

Это закрепившееся в части историографии представление подтверждается и лингвистическими наблюдениями, в свою очередь, естественно, отражающими миропонимание носителей языка. Само русское слово *государство*, чья этимология связана со словами *господин*, *государь*, *господство*, уже изначально имело иную смысловую основу, нежели его аналоги в западноевропейских языках, восходящие к латинскому корню *stat*, образующему слова, связанные с обозначением стояния, нахождения на одном месте, т.е. постоянства, в том числе глагол *statuo* — воздвигать, устанавливать и существительное *status* — положение, состояние. Впрочем, несомненно прав М.М. Кром, отмечающий, что «этимология может... указать начальную точку эволюции понятия, но она никак не может заменить кропотливую работу по выявлению разных случаев словоупотребления»²². Однако первый обнаруженный автором «Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневским пример с употреблением слова *государство* относится к 1431 г. и, как и в другом приводимом им примере 1502 г., это слово употреблено в сочетании с великими князьями и с притяжательными местоимениями «их» и «ваше». При этом контекст приводимых Срезневским примеров таков, что значение слова *государство* можно прочесть как *государствование*, т.е. как функцию великих

²⁰ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 339.

²¹ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. С. 50.

²² *Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Сб-к науч. работ. СПб., 2006. С. 56.

князей, как синоним слова *царствование*²³. Неслучайно и «Словарь русского языка XI–XVII вв.», ссылаясь на тексты начала XVI в., толкует слово *государство* как «правление, царствование, власть государя». Иначе говоря, даже для этого времени понятие *государство* еще не ассоциируется с определенной территорией и обозначает не совокупность властных институтов, но скорее властные функции²⁴. Для документов этого и более позднего времени характерна формула «быть на государстве», т.е. царствовать²⁵. Иными словами, если основываться на словарных данных, понятия «государь» и «государство» в сознании русского человека XVI в. еще слитны, не разделены²⁶.

М.М. Кром предпринял недавно попытку привлечь для решения данной проблемы иные источники. На основе анализа летописных текстов XVI в. он пришел к выводу, что «государев престол, власть государя, его правление (пребывание в качестве государя), подвластные ему территории, – вот, возможно, неполный перечень тех оттенков смысла, которые обнаруживает слово “государство”». При этом Кром подчеркивает, что «перед нами не множество значений, а именно оттенки смысла, которые объединяются вокруг единого семантического ядра

²³ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 572.

²⁴ Подобное понимание слова «государство» косвенно подтверждает отсутствие государства в современном значении в древнерусский период и ставит под сомнение его наличие в XVI в. Однако, как известно, применительно к западноевропейскому контексту, где современное понятие восходит к «Государю» Н. Макиавелли и появляется, таким образом, лишь в начале XVI в., существуют разные точки зрения на безусловное отождествление лингвистической реальности с исторической (см. об этом подробнее: (Kharkhordin O. What is the State? The Russian Concept of *Gosudarstvo* in the European Context // History and Theory. 2001. Vol. 40. P. 209). Так или иначе, несомненно прав был М. Блок, писавший, что «появление слова – это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он отмечает, что наступил решающий период осознания» (*Блок М. Апология истории или ремесло историка*. М., 1973. С. 91).

²⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 109.

²⁶ О происхождении и трансформации слова *государство* существует множество, в т.ч. лингвистических, исследований. Из новейших см.: Kharkhordin O. What is the State? P. 206–240; Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. С. 152–217; Толстиков А.В. Представления о государе и государстве в России второй половины XVI – первой половины XVII в. // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 294–310. Примечательно, что, по мнению О. Хархордина, закрепление с конца XV в. термина *государь* способствовало закреплению взгляда на страну как вотчину, в которой все, включая имущество подданных, принадлежит лично царю (Kharkhordin O. What is the State? P. 215).

– государя: ведь это *его* государство-власть, *его* государство-территория и т.д.». Причем «“Государство” в нарративных текстах XVI в. – это не строгий термин... это, скорее, словесный образ, очень пластичный, чутко реагирующий на изменения контекста и принимающий порой весьма наглядные, зримые формы (скипетр, престол и т.п.)». Одновременно с этим Кром резко, хотя, на мой взгляд, и не вполне убедительно возражает против представления о вотчинном характере государевой власти на том основании, что «ни в одной летописи» ему не встретилось «описание того, как великий князь или царь собирает доходы со своих земель, пополняет свою казну и т.п.», а значит, по его мнению, «царь-собственник, царь-вотчинник – такой образ совершенно чужд русскому политическому дискурсу XVI в.». Между тем, основываясь на тексте законодательных источников, в частности, Судебника 1550 г., историк отмечает эволюцию значения слова «государство», связывая это с постепенным выделением сферы публичной политики и появлением представления об «общем благе», но замечая, впрочем, что «определить точную дату, когда началось разделение понятий “государь” и “государство”, вряд ли когда-нибудь удастся»²⁷.

Так или иначе, но очевидно (и это не противоречит наблюдениям Крома), что, как уже давно замечено, важной вехой в процессе разделения этих понятий стало время Смуты начала XVII в., когда пресечение царского рода волей-неволей заставило русского человека осмысливать страну отдельно от властителя, как нечто самостоятельное, а осознание своей принадлежности к государству, по наблюдению А.В. Толстикова, стало для русских людей едва ли не единственно возможной формой идентификации²⁸. Новый же царь (сперва Борис Годунов, затем Василий Шуйский и, наконец, Михаил Романов) был уже не Богоизбранный и Богоданный, а избранный народом, «посаженный» на царство. Неслучайно именно в Смуту закрепляется словосочетание «Московское государство»²⁹. Причем если в киевский период, по словам И.Н. Данилевского, «характерно... именование князя по стольному городу и со-

²⁷ Кром М.М. Рождение «государства». С. 61–69. См. также: Он же. К пониманию московской «политики» XVI в.: Дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 283–303.

²⁸ Толстиков А.В. Указ. соч. С. 303.

²⁹ Характерные примеры см.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985. С. 43–49; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Л., 1986. С. 135.

ответственно центру земли, в которой он правил»³⁰, то и теперь государство называется по имени столицы, «царствующего града», который как бы воплощает в себе функцию отсутствующего государя³¹. Если прежде все, что касалось управления, именовалось «государевым (государским) делом», то теперь закрепляется встречавшееся изредка и ранее отделенное от него «земское дело», причем земля — это обобщающее понятие, включающее страну, территорию и живущих на ней людей³².

Однако Смута была именно этапом в процессе разделения понятий *государь* и *государство*, которое, как подчеркивает Л.А. Черная, «шло в русской общественной мысли постепенно». Исследовательница обращает, в частности, внимание на деятельность видного дипломата царя Алексея Михайловича А.Л. Ордина-Нащокина, который писал, что занимался дипломатической деятельностью «для устроения своего государства»³³. Принято считать, что окончательное разделение понятий *государь* и *государство*, более современное, *модерное* понимание страны как именно государства, которым царь правит, формируется лишь на рубеже XVII—XVIII вв., т.е. при Петре I, однако по существу этот процесс продолжался и на протяжении всего XVIII столетия до введения в 1797 г. павловского законодательства об императорской фамилии, превратившего ее формально в институт политической власти. Правда, параллельно шел и другой процесс — нового, на новой идеологической основе слияния государя и государства и превращения первого в воплощение, олицетворение второго, но это уже сюжет, выходящий за рамки нашей темы.

Изложенное выше лишь непосвященному может показаться стройной и непротиворечивой концепцией. Так, например, стоит упомянуть о том, что несколько лет назад А.Л. Юрганов наметил несколько иное видение представлений о государстве в Московской Руси. По его мнению, «“государство” в универсуме средневекового мышления — “дом домов”, который соединяется прочнейшими узами, какие только воз-

можны», а «идея государства сплавляла людей не через власть, которая “сверху”, а через власть, которая пронизывает жизнь каждого дома». Историк основывает свои рассуждения на тексте Домостроя, где «каждый хозяин дома назван “государем”, а его жена “государыней”», в то время как «термин “государь” происходит от слова “осподарь”, а слово “осподарь” имеет прямой “выход” на слово “господь”»³⁴.

Вполне очевидно, что в приведенных рассуждениях логика перехода от государя к государству не вполне ясна, но, если принять точку зрения Юрганова, то государство в понимании средневекового человека³⁵ — это не столько политическая организация, обладающая властью над определенной территорией, сколько конфессиональное единство. И тут надо вспомнить, что в древнерусских текстах, где слово *государство*, как мы видели, появляется достаточно поздно, присутствует еще и другое понятие — *Русская земля*, над разгадкой смысла которого бьется уже не одно поколение исследователей. Причем принято говорить об «узком» (преимущественно пространственном, территориальном) и «широком» толковании этого понятия. Что касается последнего, то новейший исследователь пришел к выводу, что «под термином “русский” они [древнерусские книжники. — А.К.] имели в виду скорее всего *этноконфессиональную общность*, близкую к тому, что сейчас именуется термином “православный”»³⁶. Толкование понятия «Русская земля» имеет непосредственное отношение к нашей теме еще и потому, что интерпретируемое как патриотическое выражение «за Русскую землю» чаще каких-либо других встречается в памятниках древнерусской литературы XI—XV вв.³⁷ Это позволяет нам перейти к следующему сюжету.

³⁰ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 169.

³¹ Примечательна этимология самого русского слова *столица* как города, где находится княжеский *стол*, т.е. *престол*.

³² По наблюдениям М.М. Крома, выражение «государское и земское дело» как единая, нераздельная формула появляется уже в начале XVI в. и используется для именования военной кампании (Кром М.М. К пониманию Московской «политики» XVI в. С. 293—294).

³³ Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I. М., 1989. С. 36.

³⁴ Одиссей: Человек в истории: Русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 16—17.

³⁵ Принятие этой позиции означает еще одно важное допущение: текст Домостроя отражает черты миропонимания не только его автора и того круга, к которому он принадлежал, но вообще «русского средневекового человека». Поскольку никаких доказательств этому нет, принять эту версию можно лишь с оговорками.

³⁶ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 210.

³⁷ Горский А.А. Представления о защите отечества в средневековой Руси (XI—XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.). М., 1994. С. 6.

Сюжет 2: Служение государю versus служение отечеству

В 1690 г. патриарх Иоаким, осуждая в своем завещании прием на русскую военную службу иностранцев, писал:

Ибо все христиане православнии наипаче же за веру и за церковь Божию, *нежели за отечество и домь*³⁸ своя [курсив мой. — А.К.], в усердии души своя полагают на бранех в полках, никакже же щадяще жизни своея...³⁹

Спустя 19 лет на Полтавском поле царь Петр I — тот, кому прежде всего и были адресованы филиппики патриарха, произнес иные, не менее яркие слова:

Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, *за отечество*... А о Петре ведайте, что ему жизнь его недорого, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего!⁴⁰

При сопоставлении двух этих текстов бросается в глаза радикальность произошедшей менее чем за два десятилетия перемены. Патриарх не только подчеркивал, что русский воин сражается исключительно за православную веру, но и прямо противопоставлял этот дискурс иному, в его представлении враждебному православию — борьбе за отечество. В полемическом задоре Иоаким, кажется, забывает даже и о государе, но, впрочем, если царствование — это служение Богу, а сам государь есть его земное воплощение, то сражение за веру подразумевает и его. В словах же царя Бог и вера отсутствуют вовсе⁴¹, а государь — это персонифи-

³⁸ Слово «домы» в данном контексте не обязательно означает просто жилища. А.В. Бекасова, ссылаясь на созданный во второй половине XVIII в. Словарь Академии Российской, показала недавно, что этим словом обозначали и совокупность членов семьи, близких и дальних родственников, а также «своих» людей, причем это было даже более широкое объединение, чем то, которое подразумевается под английским словом *household* (Бекасова А.В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «Домовое подданство» графа П.А. Румянцева. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 5–6).

³⁹ Цит. по: Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 20.

⁴⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. № 3252. С. 226–227.

⁴¹ Неслучайно этот недостающий элемент, хотя и в характерном для петровского времени обличье, появляется в иной версии речи Петра, восходящей к Феофану Прокоповичу: «А Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние» (Там же. № 3251. С. 226).

цированный царь Петр, отделенный от государства, причем последнее синонимично отечеству. Пройдет еще немало лет, прежде чем три эти элемента — Бог, государь и государство — соединятся вновь в единой формуле «За веру, царя и отечество», хотя, как метко заметил В.М. Живов, после церковной реформы Петра «то православие, которое Уваров соединил с самодержавием и народностью, до конца оставалось неканоническим синодальным православием»⁴².

Можно не сомневаться, что, обращаясь к войску с вышеприведенными словами, Петр I рассчитывал быть понятым. И действительно, идея «служения отечеству», синонимичная идее «служения общему благу», появляется, как отмечала Л.А. Черная, в петровских указах уже в конце 1690-х — начале 1700-х гг. Эта идея, получившая развернутое обоснование в сочинениях Феофана Прокоповича, носила светский характер, и ее внедрение в массовое сознание было, таким образом, частью процесса секуляризации общества⁴³.

Трансформация идеи служения государю, а через него — Богу в идею служения отечеству, т.е. государству, имела еще один важный аспект. Общая секуляризация культуры, выражавшаяся в том числе в общественной мысли, сопровождалась, как известно, секуляризацией и личностного начала, выделением личности из коллектива. Применительно к служению, службе это выражается в ее индивидуализации, и с этой точки зрения совсем не случайно означенная выше персонификация царя в его обращении к воинам 1709 г. В ходе петровских реформ окончательно разрушается служебная организация русского общества, наиболее ярким воплощением которой было местничество.

Служение государю в допетровской России было служением не индивидуальным, но основанным на родовом принципе. Древнюю Русь, по словам А.М. Панченко, «можно представить как некую родовую общину, состоящую, во-первых, из кровных семей и, во-вторых, из семей “покаяльных”»⁴⁴. Стоит при этом обратить внимание, что подобная организация общества и соответствующая организация служения государю, отразившаяся уже в ранних крестоцеловальных записях, представлявших собой не западноевропейский договор вассала и сюзерена, а «вручение себя» служилого рода роду великого князя, а также, несомненно, тесно

⁴² Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого. С. 59.

⁴³ Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству». С. 35.

⁴⁴ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 26.

связанная и с религиозной идеей коллективного спасения, не создавала почвы и для патриотизма в его современном понимании. Как писал один из самых тонких знатоков этой исторической эпохи С.Б. Веселовский, «для правильного понимания... идеи родовой чести следует помнить, что весь аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам, что идеи Отечества, долга перед Родиной, идеи гражданства были неизвестны»⁴⁵.

Важнейшей вехой в процессе трансформации самих принципов организации службы стала отмена местничества в 1682 г., явившаяся, с одной стороны, свидетельством кризиса традиционной системы ценностей, а с другой, согласно Панченко, «законодательным откликом на проблему соревнования поколений»⁴⁶, которая и появиться-то могла лишь в условиях этого кризиса. Знаменательно, что двумя годами ранее, в 1680 г., указом царя Федора Алексеевича было запрещено уподоблять царя Богу.

Новые принципы службы, основанные на личностном начале, были закреплены Табелью о рангах 1722 г., узаконившей право выслуги чина и дворянства посредством личного усердия, основанного на светском знании. История создания Табели о рангах и ее роль в формировании новой системы социальных отношений и новой административно-бюрократической системы управления изучались многими исследователями. Гораздо меньше внимания уделялось ее идеологическому, мировоззренческому аспекту. В этой связи заслуживают внимания два соображения.

Л.А. Черная в уже цитированной статье отмечала, что следствием установления новых принципов службы стало то, что «рядом с честью по “породе” появилась и личная честь»⁴⁷. Позднее она вернулась к проблеме чести в специальной работе⁴⁸, отдельные положения которой были развиты в капитальном исследовании американского историка Н. Колманн⁴⁹, показавшей не только место и характер концепта чести в русском средневековом сознании, но и его социальные функции в качес-

⁴⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1964. С. 474–475. Примечательно, что для Веселовского патриотизм, по-видимому, непосредственно связан с идеей гражданства.

⁴⁶ Панченко А.М. Русская культура. С. 153.

⁴⁷ Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству». С. 41.

⁴⁸ Она же. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. М., 1991. С. 56–84.

⁴⁹ Kollmann N.S. By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaca and London, 1999. Русский перевод: Колманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001.

стве регулятора как взаимоотношений власти и общества в целом, так и внутри отдельных сообществ. Как трансформировались представления о чести в XVIII столетии, пока почти не изучено, причем касается это и дворянства, и иных социальных слоев. Однако некоторые предварительные наблюдения подтверждают, что честь перестает быть категорией, связывающей членов общности социального, локального или родового характера и приобретает личностный характер⁵⁰.

Другое важное соображение, касающееся этого сюжета, было высказано на упомянутой выше конференции Германского исторического института в Москве Н.Н. Петрухинцевым в докладе «Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в.». Примечательно, что докладчик подошел к той же проблеме изменения характера службы как бы с другого конца: его интересовали механизмы вхождения иностранцев в российскую политическую элиту. В результате он пришел к выводу, что сама возможность такого вхождения была обеспечена петровской реформой службы, превращавшейся из «корпоративной в персональную». При этом, по мнению Петрухинцева, важную роль в этом процессе сыграла военная офицерская среда, через которую и утверждалась идея индивидуальной службы, что было связано в том числе и с особенностями европейских армий того времени, широко использовавших наемничество. Заметим попутно, что описываемый Петрухинцевым процесс — это процесс формирования не просто новой политической элиты, но элиты имперской, многонациональной по своему составу.

⁵⁰ См.: Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 170–176. Примечательна в этой связи эволюция определения дворянства. В Наказе Екатерины II, составленном в 1765–1766 гг., говорилось: «Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены» (ст. 360). В Проекте прав благородных, разработанном Уложенной комиссией, эта формулировка была сохранена, но слово *дворянство* было заменено словом *благородство*. Подобное определение не вызвало возражений депутатов, хотя замена им не понравилась. Так, депутат В.Г. Баскаков утверждал: «Слово дворянство означает всегда либо достоинство или множество людей, имеющих оное достоинство, а благородством означает обыкновенно похвальное в человеке качество и добродетельные поступки вообще» (см. подробнее: Каменский А.Б. Российское дворянство в 1767 г. (К проблеме консолидации) // История СССР. 1990. № 1. С. 68). Однако в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. слово *честь* императрица уже не использовала: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное» (ст. 1).

Изменение служебных отношений власти и человека отразилось и в языковых категориях, посредством которых между ними осуществлялась коммуникация: на смену слову *холоп* пришло слово *раб*.

Сюжет 3: холоп — раб — подданный

И в историографической традиции, и в исторической публицистике слово «холоп» давно уже стало символом, своего рода олицетворением системы служебных отношений в Московской Руси, указывающим на полную подчиненность даже самого богатого и знатного московского боярина царской воле. Однако своеобразным правом называться государевыми холопами обладали, как известно, лишь различные категории служилых людей, находившиеся на верхних ступенях социальной лестницы. В декабре 1701 г. указом Петра I писаться холопами и уменьшительными именами было запрещено, а в марте 1702 г. была введена новая форма прошений на царское имя, которые должны были заканчиваться единой для всех категорий населения формулой «Вашего величества нижайший раб», просуществовавшей до времени Екатерины II, когда в 1786 г. вместо этого было велено писаться *подданными* и, таким образом, была обозначена новая стадия взаимоотношений власти и населения.

Петровское нововведение исследователи однозначно связывают обычно с процессом переосмысления категории «государство» и формированием представлений о подданстве, общем для всего населения страны. Последнее по времени появления специальное исследование этой темы принадлежит Е.Н. Марасиновой, пришедшей к выводу, что «объединение населения страны наименованием “раб” в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти и увеличение дистанции между престолом и подданными... Общий для всех формуляр... способствовал дальнейшей унификации общества, в котором главным объединяющим символом был образ самодержца»⁵¹. В докладе «Гражданин и подданный в России XVIII в.: К проблеме истории понятий в России» на конференции Германского исторического института Марасинова отмечала, что для русских людей XVIII в. подпись «верный раб» не имела уничижительного смысла, а воспринималась как стандартное устойчивое обращение к монарху, ко-

⁵¹ Марасинова Е.Н. К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 6.

торым продолжали пользоваться и после его отмены. Сама же формула, введенная Петром I, была близка по значению к понятию «верный слуга», что подтверждается лингвистическими наблюдениями, в частности немецко-русским словарем XVII в., где слово раб переводится как *knecht* и *lackey* (слуга, лакей).

Продемонстрированный Е.Н. Марасиновой подход к традиционной для историографии проблематике в русле истории понятий, основанный на анализе языка людей соответствующей эпохи, представляется чрезвычайно перспективным и плодотворным. Однако некоторые ее выводы, как кажется, требуют дальнейшей проработки. Так, не вызывает сомнения, что введение единого для всего населения именованья в определенном смысле можно трактовать как его унификацию, однако, на мой взгляд, эту мысль необходимо как-то примирить с итогами социальной реформы Петра, установившей более жесткие границы между стратами. Не вполне очевидна и связь между введением именованья *раб* и усилением самодержавной власти, а также увеличением дистанции между престолом и подданными⁵². Этот сюжет необходимо увязать с историей введения присяги для подданных при восшествии на престол нового монарха, которая на протяжении XVIII в. была то всеобщей, то исключавшей крепостное крестьянство, демонстрируя, таким образом, неустойчивость представлений самой верховной власти относительно распространения ее на все население страны и определенное противостояние власти и формирующегося дворянского сословия.

В рассуждениях Е.Н. Марасиновой пропущено, как представляется, еще одно важное звено. Прежде чем делать обобщающие выводы, нуж-

⁵² Широко распространенное представление об усилении самодержавной власти при Петре, историографически тесно связанное с концепцией русского абсолютизма, нуждается, как мне кажется, в дополнительной верификации. Само это словосочетание достаточно абстрактно, лишено конкретности. Вопрос, видимо, следует поставить так: увеличился ли объем властных полномочий царя по сравнению с его предшественниками? Какие новые возможности, которых не было прежде, появились у русского государя в связи с созданной Петром системой административного управления? Очевидно, можно говорить о новых и более эффективных механизмах управления, в большей степени соответствовавших имперскому характеру страны. Опять же тут неизбежно возникает проблематика изменений в понимании концептов *государства* и *государя*, их соотношения на ментальном уровне. Именно новое идеологическое осмысление государства в конечном счете действительно привело к увеличению дистанции между престолом и подданными, в определенном смысле к отчуждению власти от народа (см. об этом: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997), но собственно объем и прежде безграничной царской власти вряд ли изменился.

но попытаться понять, что сам Петр вкладывал в понятие *раб*. При этом надо обратить внимание по меньшей мере на три момента. Во-первых, когда в 1702 г. это именование было введено, нового идеологического обоснования царской власти еще не существовало, еще не только не были осуществлены, но даже не были задуманы административная и социальная реформы. Если у молодого царя и были какие-то представления о новой политической модели, то весьма неопределенные. Необходимо также принять во внимание исторический контекст появления указа 1702 г. — непосредственно после нарвского поражения. Предпринятые в это время царем меры, получившие отражение в законодательстве, носили сугубо прагматический характер и при этом были достаточно хаотичны. Главной же заботой Петра было воссоздание регулярной армии, причем военное строительство с самого начала запустило процесс ликвидации холопства как социальной категории русского общества, сделав холопов одним из основных источников комплектования новой армии. Принимая на военную службу беглых холопов, государство фактически отказывалось признать законность отношений холопа и его господина и, напротив, подтверждало свой верховный суверенитет над всеми категориями населения без изъятия. Сохранение в этих условиях именования *холоп* для высших социальных слоев не могло не восприниматься как анахронизм и несуразность⁵³. Одновременно с этим введение единого, общего для всех именования как средства коммуникации с верховной властью в восприятии Петра могло отражать его собственное понимание своей роли как государя — отца всех подданных, что позднее нашло отражение в титуле Отец отечества.

Во-вторых, почему Петр выбрал именно слово *раб*? Ответ на этот вопрос следует, видимо, связать с лингвистическими наблюдениями Е.Н. Марасиновой. Если русское слово *раб* соответствовало немецкому слову, которым обозначался *слуга*, то именно это значение Петр мог почерпнуть у создателей теории естественного права и принятой им концепции регулярного государства Гроция, Гоббса, Пуффендорфа и др.⁵⁴,

⁵³ Необходимо также иметь в виду, что, как показано А.Л. Юргановым, и слово «холоп» не воспринималось служилой элитой Московской Руси в сервильном значении (Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998).

⁵⁴ О влиянии сочинений Пуффендорфа на русскую общественную мысль первой половины XVIII в. на конференции Германского исторического института говорилось, в частности, в докладе И.В. Курукина «Попытка ограничения самодержавия и уровни политического сознания шляхетства в 1730 году». Автор отмечает отсутствие

согласно которой всякий подданный — слуга государства, а его главная обязанность — служение ему. В этой связи имеет смысл проанализировать соответствующие русские переводы XVIII в., что связано с еще одним важным сюжетом — рецепцией западноевропейских понятий в процессе переводческой деятельности, о чем будет сказано ниже.

В-третьих, стоит присмотреться повнимательнее к словам Петра из известного анекдота о нем А.К. Нартова: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Сии указы содержат добро, а не вред государству». Из этого высказывания становится ясно, что для Петра, в полном соответствии с теорией естественного права, рабы/слуги — это не лишенные свободы невольники, а обладающие ею подданные, подчиняющиеся его направленной на общее благо власти. Таким образом, в понимании царя слово *раб* оказывается практически синонимичным слову *подданный*.

С учетом сказанного можно предположить, что выбор слова *раб* в качестве общего именованного подданных был сделан Петром под влиянием теоретиков естественного права, но вместе с тем достаточно случайно, почти интуитивно, и царь не особенно задумывался над его русским звучанием. Но оно становится очевидным во второй половине XVIII в., причем не только в связи с приверженностью Екатерины II к просветительской идеологии, но и в связи с началом общественного обсуждения крестьянского вопроса, в контексте которого слово *раб* имело вполне конкретный смысл, и не только у цитируемого в докладе Марасиновой А.Н. Радищева, писавшего о крепостных крестьянах, что они «доднесь между нами рабы», но уже в Наказе самой императрицы.

Что же касается понятия *подданства*, то Е.Н. Марасинова в своем докладе отмечала, что применительно к собственно населению России это слово начинает использоваться в русском языке только в XVII в., что вполне объяснимо в свете тех явлений, о которых говорилось выше. Вместе

в проектах 1730 г. каких-либо ссылок на земские соборы, как обоснование возможного ограничения самодержавия и обращение авторов проектов исключительно к европейскому опыту. В вышедших в последнее время монографиях И.В. Курукина можно обнаружить немало ценных, подкрепленных документальными источниками, соображений относительно характера «патриотических» чувств русских людей во время «Бироновщины» и переворота 1741 г., интересных прежде всего тем, что они относятся к восприятию этих событий представителями разных социальных слоев (см.: Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; *Он же*. Бирон. М., 2006).

с тем стоит заметить, что применительно к Западной Европе складывание этого понятия принято связывать с формированием единых (национальных) государств, т.е. собственно государств в современном значении, а также абсолютизма. Причем показательно, что первыми статус подданных обретают жители городов⁵⁵. В России же этот процесс начинается значительно позже и хронологически совпадает с трансформацией страны в империю, что вновь возвращает нас к вопросу об определении сущности страны как политической системы.

Еще одно понятие, рассмотренное в докладе Марасиновой, — *гражданин*. Исследовательница указала на его широкую распространенность, отметила его тесную связь в официальной идеологии с понятием *подданный* и привела примечательную цитату из проекта «О фундаментальных государственных законах» Панина — Фонвизина: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан». Относящееся уже к екатерининскому времени, это высказывание указывает на произошедшую с начала столетия эволюцию понятий, в результате которой у некоторых представителей русского образованного общества не без влияния Просвещения *государство* и *отечество* перестают быть тождественными друг другу, а понятие *гражданин* оказывается противопоставленным понятию *подданный*⁵⁶.

Существует немало текстов XVIII в., позволяющих проанализировать понимание русскими людьми службы отечеству, связанных с этим концептов и их эволюцию, к чему неоднократно обращались различные исследователи⁵⁷. Приведу поэтому в качестве иллюстрации никогда не публиковавшиеся ранее отрывки из писем М.М. Щербатова к сыну, относящиеся к середине 1770-х гг. и представляющие иной и более традиционный по сравнению с вышеприведенными словами Панина — Фонвизина дискурс.

⁵⁵ См.: *Стамм С.М.* Средневековый город и развитие социальной структуры средневекового города // *Классы и сословия средневекового общества*. М., 1988. С. 43; Е.Н. Марасинова в своем докладе обратила внимание на первоначально параллельное существование в немецком языке слов *Stadtburger* (горожанин) и *Staatsburger* (гражданин), причем позднее потеснило первое, став определяющим при характеристике юридических отношений личности и государства.

⁵⁶ См. также: *Алексеев А.А.* История слова *гражданин* в XVIII в. // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1972. Т. 31. № 1. С. 67–73.

⁵⁷ См., в частности: *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999.

...когда обремененный делами, которые касаются управления государством, когда каждое мгновение моей жизни предназначено нынешнему служению моей императрице, я подумал, что, так как я прежде гражданин, а потом уже отец, я должен отдать предпочтение этим обязанностям...⁵⁸

Я буду говорить с вами об одной из главных добродетелей гражданина, которой является любовь к отечеству, для которого мы должны жертвовать собою, и тем более, не обязаны ли мы использовать несколько лет нашей молодости, чтобы сделаться полезными стране, которая дала нам рождение...

Говоря с вами о любви к Отечеству, следует принять в расчет 1) обязанности, которые мы имеем по отношению к нему, 2) примеры великих людей и 3) пользу, которая бывает от этого нам самим.

...каждый класс людей имеет свои привилегии и прерогативы и, обеспечивая преимущества другим, сам пользуется определенными преимуществами; прибавьте к этому связи, которые мы имеем с нашими родителями, ... дружеские отношения, которые мы завязываем, имущество, которым мы владеем, — все это, начиная с раннего детства, которому отечество и его дети обеспечили первое питание, с нашей молодости, когда оно нам предложило различные способы быть ему полезным, с нашей зрелости, когда мы вступаем в обязанности граждан и получаем награду и преимущества, относящиеся к положению, которое мы заняли, и нашей старости, которой оно обеспечивает спокойный отдых, — обязывает быть привязанными к нему, и справедливой признательностью возвращать ему блага, которые оно нам дает.

...Итак, видно, что мы должны в качестве благодарности и долга, за свидетелествованного столькими великими людьми, любить Отечество. Но, кроме того, если эта любовь соединена с просвещенным духом, сколь великое благо она доставляет нам самим: во-первых, мы испытываем сладостное удовлетворение от того, что мы не бесполезный груз на земле, и можем исчислять наши дни делами; отечество, со своей стороны, чинами и благами, которые оно нам дает, или средствами быть ему более полезными, дает нам уважение в мире и поощряет саму нашу любовь или предоставляет нам случай иметь больше достатка в жизни, вознаграждает за нашу службу и ободряет других подражать нам⁵⁹.

Как видим, для Щербатова служение государству тождественно служению императрице, и именно в этом он видит свою обязанность граж-

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1289. ОП. 1. Д. 517. Л. 12–13. Благодарю С.Г. Калинину за предоставленную мне возможность воспользоваться подготовленной ею к печати перепиской М.М. Щербатова.

⁵⁹ Там же. Л. 33–34.

данина, чьей главной «добродетелью» и долгом, в свою очередь, является любовь к отечеству. Эта достаточно простая, но вполне стройная конструкция обосновывается рационалистическими рассуждениями, основанными на принципе взаимной пользы. Надо при этом иметь в виду, что процитированные письма написаны по-французски, что не могло не отразиться в использованной автором лексике. Если при переводе с иностранных языков на русский шел, как мы увидим ниже, процесс выработки русских эквивалентов иноязычным понятиям, то русский человек, писавший на иностранном языке, напротив, вынужден был пользоваться уже сложившимися лексемами, подчас вопреки его желанию искажавшим первоначальный смысл.

Сюжет 4: рецепция западноевропейских понятий и переводческая деятельность

В сущности, все понятия, с которыми сталкивается исследователь в контексте рассматриваемой проблематики и смыслы которых, собственно, и составляют языки самоописания этого времени, являются либо непосредственно заимствованными из западноевропейской мысли XVII–XVIII вв., либо переосмысленными под ее влиянием. В этой связи особое значение приобретает изучение деятельности русских переводчиков, позволяющее проследить трансформацию понятий. Стоит отметить, что дело это не такое простое, как может показаться на первый взгляд, ведь каноны литературного и научного перевода еще не сформировались, и давно замечено, что русская переводная литература этого времени страдала «неясностью выражений, неверной передачей подлинника», а «книжный язык того времени имел чрезвычайно хаотический вид»⁶⁰.

Пример подобного исследования был представлен на конференции Германского исторического института немецкой исследовательницей И. Шиерле в докладе «“Национальный дух” в Российской империи: категории страноведения и народоведения в европейском аспекте», посвященном анализу четвертого тома перевода сочинения И.Г. Георги «Описание

⁶⁰ Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сб. ОРЯС. СПб. 1910. Т. 88. № 2. С. 4. Цит. по: Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.) М., 1994. С. 39.

всех в Российском государстве обитающих народов» в издании 1799 г., подготовленном М.И. Антоновским. Исследовательница обратила внимание на появление в этом издании, по ее выражению, идеи «создания единого народа», слияния народов империи в «единую душу», понятий «душа народа», «народные свойства» (*esprit nationale*), «народный характер» (последнее встречается реже). Отсюда, по ее мнению, позднее начинаются романтические поиски души и характера народа славянофилами, сближающие их с немецкими романтиками начала XIX в. Вместе с тем уже в 1783 г. у Д.И. Фонвизина в «Собеседнике любителей русского слова» встречаются рассуждения на тему «в чем наш национальный характер». По Фонвизину, подчеркивается в докладе Шиерле, нация – это весь народ и одновременно, по сути, гражданское общество, отделенное от власти и при этом только формирующееся, находящееся в процессе складывания. Исследовательница отметила, что слово *русский* использовалось авторами XVIII в. главным образом применительно к прошлому, а применительно к современности они пользовались словом *российский*. Последнее наблюдение И. Шиерле особенно интересно именно в имперском контексте. Стоит вспомнить сказанное выше о значении слова *русский* как конфессиональной общности и что именно с провозглашением империи царь *всея Руси* превратился в императора *всероссийского*. Это языковое различие, таким образом, как и поиски «единой души» всех народов империи, отражают восприимчивость людей XVIII в. к лишь позже остро обозначившемуся конфликту в ту пору еще только формировавшегося этнического русского национального самосознания и многонационального характера империи и могут, по-видимому, рассматриваться как своего рода индикатор формирования сознания имперского. В самой же переводческой работе, составлявшей важную часть процесса трансфера, рецепции и трансформации идей, делается вывод в докладе, вырабатывался соответствующий дискурс – возникали проблемы перевода, которые волей-неволей приходилось определенным образом осмысливать.

Доклад И. Шиерле среди прочего демонстрирует актуальность изучения зарождения и формирования в России XVIII в. идеи нации и ее выражения в соответствующих текстах – так, как это было недавно сделано на западноевропейском материале⁶¹. В связи с этим невозможно удер-

⁶¹ Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории. Москва, 2005.

жаться, чтобы не привести совсем свежий курьезный, но весьма показательный пример, имеющий прямое отношение к слову *нация* и также отражающий «трудности перевода».

Вышедшая недавно книга французского историка Э. Каррер д'Анкос «Екатерина II: Золотой век в истории России» открывается следующими словами русского государственного деятеля первой половины XVIII в. И.И. Неплюева о Петре Великом: «Сей царь возвысил нашу страну до уровня других держав. Он научил нас признавать, что мы — нация»⁶². Автор книги цитирует Неплюева по французскому переводу В.О. Ключевского, но русский переводчик (О.Д. Чехович) не счел необходимым обратиться к первоисточнику и прибег к обратному переводу. Между тем в действительности слова Неплюева, писавшего, конечно же, по-русски, звучали несколько иначе: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди...»⁶³.

Поскольку обсуждение особенностей современной переводной литературы выходит за рамки нашей темы, обратим лишь внимание на двойную переводческую ошибку: неплюевское «мы люди» было очевидно неверно переведено на французский словом *nation*, которое на русский, в свою очередь, следовало переводить как *народ*. Но в связи с этим возникает вопрос: когда русский человек XVIII в. писал по-французски, используя слово *national*, следует ли его переводить на русский как *национальный* или как *народный*? Ответ на этот вопрос может дать только анализ соответствующих русских текстов, однако очевидно, что сам процесс рецепции слова *nation* тесно связан с трансформацией значения слова *народ*, первоначально являвшегося частью исключительно религиозного языка, и, пройдя через трансформацию XVIII в., превратившегося в важнейший концепт не только русской общественной и философской мысли, но и национального сознания. При этом стоит подчеркнуть, что речь не случайно идет именно о процессе, происходившем в XVIII в. Многочисленные исследования этнического самосознания русских людей, как отмечал недавно М.В. Дмитриев, показывают, что «уже в средневековье в Древней Руси мы видим немало существенных отклонений от западного образца (“языки” вместо “nations”, “люди” вместо “народ” /

⁶² Каррер д'Анкос Э. Екатерина II: Золотой век в истории России. Москва, 2006. С. 11.

⁶³ Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра: 1725—1765. / Я.П. Шаховской. В.А. Нашокин. И.И. Неплюев. М., 1998. С. 424.

“natio” / “gens” / “populus”); некоторые особенности в том, как эволюционировали представления о коллективной “протонациональной” идентичности в XI—XV вв. и т.д.)». «В древнерусских памятниках, — продолжает далее исследователь, — и памятниках Московской Руси XIV—XVI вв. или практически отсутствуют, или очень неразвиты дискурсы, которые включали бы ясно выраженные представления о русском *народе*, о русском этносе — то есть дискурсы, которые бы говорили о чем-то вполне аналогичном *natio Bohemica*, *natio Hungarica*, *gens Polonorum*, *Deutsche Nation*, *English nation* и пр.»⁶⁴

Сюжет 5: М.В. Ломоносов как первый русский патриот

Имя Михаила Васильевича Ломоносова в массовом сознании прочно ассоциируется с патриотическими чувствами. Самый великий русский ученый, наряду с Менделеевым внесший наиболее существенный вклад в мировую науку⁶⁵, он бесстрашно боролся со злокозненными немцами, пытавшимися доказать неспособность русских людей создать собственное государство, основал Московский университет, беспокоился о сохранении русского народа и был убежден, «Что может собственных Платонов // И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

Как, к сожалению, случилось и со многими другими историческими фигурами, нещадно эксплуатировавшийся советской пропагандистской машиной образ Ломоносова имеет мало общего с реальным человеком, жившим в середине XVIII столетия и действительно своим ярким, многосторонним талантом символизирующим национально-культурное возрождение послепетровской эпохи⁶⁶. «Ломоносовский миф, — пишет

⁶⁴ Дмитриев М.В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Вип. 2–3. Київ, 2006. С. 17, 19. См. также: Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. М., 2006 (в частности, статью К.Ю. Ерусалимского).

⁶⁵ См. характерные результаты социологических опросов: Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации: Препринт WP6/2005/02. Серия WP6 «Гуманитарные исследования». М., 2005. С. 46–48.

⁶⁶ Эта работа была уже в основном написана, когда появилась книга В.В. Фомина «Ломоносов: Гений русской истории» (М., 2006). Как ясно уже по ее названию, главная цель автора — доказать, что Ломоносов был не только гениальным химиком, но и великим историком, а в борьбе с Миллером он был движим не только патриотическими, но и сугубо научными мотивами. Детальный разбор этой книги далеко вы-

В.М. Живов, — воздействует и на построение реальной биографии писателя, она начинает воссоздаваться по своего рода агиографическому канону. Как юный святой наделяется врожденным стремлением к праведности,.. так и Ломоносову приписывается некое врожденное просветительство: тяга к учению и литературному труду, восторженное отношение к петровским преобразованиям и рациональная недоверчивость к религиозной догме. Поэтому и дальнейшее повествование о его жизни оказывается описанием того, как осуществлялось это изначальное призвание»⁶⁷. Печальнее всего при этом, пожалуй, то, что в то время как, вопреки широко распространенным представлениям, имевшие большое значение для России естественнонаучные достижения ученого на самом деле не сыграли сколько-нибудь значительной роли в истории мировой науки, его значение как поэта и его роль в становлении русского литературного языка, а значит, и в формировании новой русской культуры известны по большей части лишь специалистам. Однако и общественно-политические воззрения Ломоносова нуждаются в дальнейшем изучении и уточнении.

Принятая в литературе схема построения его биографии, по словам В.М. Живова, «предполагает, конечно, борьбу, конфликты, происки недоброжелателей, но исключает куда более важный внутренний момент: неуверенность в своих жизненных позициях и поиски моделей, которые позволили бы эти позиции утвердить»⁶⁸. Для понимания истоков, психологической основы, той почвы, на которой формировались «патриотические» взгляды ученого, чрезвычайно полезными представляются соображения, высказанные на уже не раз упоминавшейся конференции И.П. Кулаковой в ее докладе «Европейская университетская культура и становление российских университетских традиций в XVIII в.». Доклад посвящен, с одной стороны, механизмам рецепции и трансформации западноевропейской университетской и шире — академической культуры и формированию соответствующей российской культуры, в том

ходит за рамки темы данной работы. Отмечу лишь, что автор обвиняет в норманизме всех своих предшественников, не разделяющих его оценки Ломоносова-историка, в результате чего норманистами оказываются едва ли не все советские историки, столь активно с норманизмом борющиеся. Старательно демонстрируя научную объективность Фомин в действительности в своих оценках чрезвычайно пристрастен, а многие его суждения грешат голословностью и бездоказательностью.

⁶⁷ Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 586—587.

⁶⁸ Там же. С. 587.

числе студенческой субкультуры, а с другой — психологическим особенностям адаптации к ней разночинной среды, к которой принадлежал и Ломоносов⁶⁹. Исследовательница подчеркивает, что ученость сама по себе уже представляла оппозицию русской традиционной культуре, причем не только признанием ценности естественнонаучного знания, которое в XVIII в. приобретает едва ли не культовое значение, но и тем, что предполагала индивидуализацию жизненного пространства. Приобщение человека к академической, университетской культуре означало освоение принципиально новых повседневных практик и моделей поведения. Ученые собрания и диспуты, коллекционирование, полевая и лабораторная работа, аудитории и кафедры — все это создавало новое мироощущение. Одним из видов новых повседневных практик становятся частные уроки, выступающие как форма продажи знаний. Одновременно приобщение к практикам академической культуры и их усвоение предполагали и восприятие новых норм бытового поведения, в большей степени характерных для дворянской среды. Однако неопределенность социального статуса приобщавшихся к учености разночинцев (характерна в этом смысле борьба Ломоносова за награждение ученых чинами и хлопоты о чине статского советника для себя самого), мучительная сложность усвоения незнакомых им с детства норм бытового поведения и иных способов коммуникации с окружающими нередко приводили к появлению комплексов, к внутренним психологическим конфликтам, выплескивавшимся наружу — иногда в виде эпатажа, иногда — протеста, а зачастую и примитивного пьянства. Последнее, как следует из доклада, нередко воспринималось как своего рода сословный признак этой среды⁷⁰.

Важно при этом иметь в виду, что усваиваемый разночинцами вроде Ломоносова новый дискурс был не только индивидуалистическим, но и светским, причем, что особенно важно, «освоение нового секулярного дискурса становится [уже в петровское время. — А.К.] критерием лояльности»⁷¹. Можно сказать и иначе: восприятие нового секулярного

⁶⁹ Ряд положений докладов нашел отражение в монографии: Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

⁷⁰ Характерно в этом плане отношение к Ломоносову Миллера, в одном из частных писем писавшего, что если бы не пристрастие русского ученого к горячительным напиткам, он мог бы добиться гораздо большего.

⁷¹ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 65.

дискурса (во всяком случае, до тех пор, пока он оставался новым) практически автоматически влекло за собой лояльность, что определяло избираемую человеком социальную роль — в случае с Ломоносовым, как убедительно показывает В.М. Живов, роль придворного поэта⁷².

В контексте темы данной работы особенно интересны соображения, прозвучавшие в докладе А.В. Доронина «В поисках национальной идентичности: русские историки XVIII в. и европейские традиции историописания». В центре его — мифологема, связанная с поисками национальной идентичности русских, пионером в разработке которой, по мнению автора, был Ломоносов. Эта мифологема в XVIII в. не получила, да и не могла получить распространения, поскольку «имперский патриотизм» вытеснил «патриотизм национальный»; сама эта мифологема была оторвана от отечественной традиции летописания; в России ей противостояла рационалистическая школа историописания, ориентированная на критику источников; она не была востребована властью, а контроверзой ей выступала сама полиэтничная Российская империя.

Однако самое примечательное и парадоксальное в том, что Ломоносов при этом, считает А.В. Доронин, является представителем западноевропейской традиции историописания, реанимируя, по выражению автора, ренессансную парадигму национальной (этнической) идентичности и вступая при этом в конфликт с эпохой Просвещения. Ломоносов пытался «встроить» Россию в «семью первых европейских наций» также и по тем же критериям, что и Ф. Гвиччардини и Ф. Бьондо в Италии, К. Цельгис, И. Авентин, Я. Вимпфелинг и Г. Бебель в Германии, Ж. Лемер де Бельж, Р. Гаген и П. Ронсар во Франции, сочинениями которых был разрушен континуитет европейской истории и выражены претензии каждого из европейских народов — немцев, французов, итальянцев — на первенство, обосновывавшиеся его древностью. Поясняя свою мысль, автор доклада говорил о конструировании Ломоносовым русской идентичности через апелляцию к античности с целью доказать древность российского народа, поиск героев — ключевых фигур истории, подбор соответствующих исторических сюжетов.

Доклад Доронина содержит много интересных и перспективных идей, хотя они, несомненно, нуждаются в более глубокой проработке. Так, оп-

⁷² Живов В.М. Разыскания. С. 608. Живов имеет в виду в данном случае роль Ломоносова как писателя, что, конечно, необходимо еще как-то соотносить с его ролью ученого.

ределенные сомнения вызывает тезис о вытеснении в XVIII в. русского национального (этнического) патриотизма имперским, поскольку существование первого еще требуется доказать, а второй, на мой взгляд, только формировался. Более того, можно предположить, что в действительности формирование того и другого шло одновременно и в тесном переплетении друг с другом. Вопрос, видимо, в том (и это требует специального изучения), в какой мере сами носители патриотических идей в России XVIII в. различали национальный/этнический и имперский патриотизм, ощущали ли они какую-либо их конфликтность? Стоит обратить внимание, что Ломоносов и в своих научных сочинениях («О сохранении и размножении российского народа», «Древняя российская история от начала российского народа...»), и в поэтическом творчестве пользовался словом *российский*, который, как мы уже видели, семантически связывался с современностью. Но Ломоносов употреблял это слово и применительно к древности и в первой главе своей Истории писал о различных (прежде всего славянах и чуди) народах, «положивших по разной мере участие свое в составлении россиян», хотя «в составлении российского народа преимущество славян весьма явствует»⁷³. Таким образом, российский народ, по Ломоносову, изначально, как и в современном ему XVIII в., — это совокупность разных народов. Подобный акцент мог иметь и актуальное политическое значение, подчеркивая естественность полиэтничного характера империи. Причем и славяне для Ломоносова отнюдь не тождественны русским, поскольку, посвятив древности славян главы 2–5, чуди — главу 6, он лишь затем через варягов переходит к истории «россов», выстраивая своего рода генеалогическое древо. Эта схема действительно, как отмечено в докладе Доронина, сходна с германской и в целом западноевропейской, характерными для эпохи Возрождения.

Некоторое сомнение вызывает тезис о неприятии ломоносовской парадигмы его современниками, в том числе о ее невостребованности властью. Напротив, «Краткий российский летописец» Ломоносова, как известно, длительное время использовался в качестве базового учебника в школах и, соответственно, именно созданная им мифологема русской истории составляла основу массового исторического сознания. Ломоносов же, в свою очередь, активно пользовался известным «Синописом» И. Гизеля. Удивляясь популярности «Синописиса», много раз переиздававшегося на

⁷³ Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 2: История. Филология. Поэзия. М., 1986. С. 52, 51.

протяжении всего XVIII и первой четверти XIX в., т.е. тогда, когда уже существовали систематические изложения истории России Татищева, Щербатова и даже Карамзина, А.А. Формозов отмечал недавно, что массового читателя, по-видимому, привлекало в этом труде как раз то, что «содержание книги ближе к мифу, чем к научному исследованию», и в ней описывались «глубокая древность славян, их успешная борьба с Александром Македонским, явление среди них апостола Андрея, первый царь всея Руси Владимир Святой, окончательный разгром татар Дмитрием Донским»⁷⁴. Более основательное объяснение предлагает М.В. Дмитриев. По его мнению, именно «Синописис» И. Гизеля, наряду с «Хроникой» Ф. Софоновича способствовали «нормализации» протонациональных представлений, «этнизации» сознания, т.е. ликвидации тех особенностей, о которых говорилось выше⁷⁵, что, добавим, отвечало потребностям формирования национального самосознания в XVIII в.

Но вернемся к Ломоносову. Было бы неверным полагать, что апелляция к древности, создание галереи героических образов были характерны лишь для направления, представленного Ломоносовым. Напротив, это было общим местом разного рода исторических опытов того времени. Так, к примеру, М.М. Щербатов в уже цитировавшихся письмах к сыну, как мы видели, считал необходимым подкрепить свои рассуждения ссылками на «примеры великих людей». В полном соответствии с историографической традицией он пишет далее о греках Фемистокле, Леониде и Сократе, о римлянах Децие, Регуле и Фабиях, после чего замечает:

Но, не ища славных примеров у народов и во времена отдаленных, бросим взгляд на нашу собственную страну, которая, возможно, являет нам национальные добродетели и героические действия, совершенные не одним человеком, но целыми обществами; мы увидим князя Пожарского, который из места его убежища собрал войска и спас Москву, а с ней и Россию от рук поляков, которые уже стали было ее хозяевами. Шуйский с цветом боярства освободил Россию от ига узурпатора и самозванца-расстриги. Вся знать помогла Петру Великому подавить мятежи и истребить стрельцов — воинства беспокойного и всегда готового взбунтоваться⁷⁶.

⁷⁴ Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2004. С. 137–138.

⁷⁵ Дмитриев М.В. Этнизация исторической памяти. С. 30–31.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1289. ОП. 1. Д. 517. Л. 33–34. Примечательно, что отчет проведению обществом патриотических чувств историк Щербатов ведет именно со Смутного времени.

Тезис Доронина о конфликте «реанимируемой» Ломоносовым ренессансной парадигмы с Просвещением требует, таким образом, некоторого уточнения. При том, что «в XVIII в., когда завершается отделение гражданской истории от церковной, главной приметой исторического знания становится рационализм и стремление к объективности» и появляются сочинения, «свидетельствующие об упрочении аналитического подхода к истории», «в то же время сама идея просвещения с неизбежностью усиливала прагматический компонент исторического знания»⁷⁷.

Применительно к российской ситуации достаточно точным представляется суждение А.С. Мыльникова, писавшего, что в дискуссии Ломоносова с Миллером 1749–1750 гг. «столкнулись два методологических подхода — один, представленный Миллером, восходящий к рационалистической критике раннего немецкого Просвещения, и другой, представленный Ломоносовым, сочетавший просветительские представления с элементами поэтики русского барокко, сцементированные идеями национального патриотизма»⁷⁸. Другое дело, что самими участниками дискуссии их конфликт воспринимался не как конфликт методологических подходов в научном смысле, но шире — как разница вообще в отношении к истории и пониманию ее общественной роли. «Он хочет, — говорил Миллер о Ломоносове, — чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью?». «Я не требую панегирика, — отвечал Ломоносов, — но утверждаю, что нетерпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени»⁷⁹. Однако несколько позднее, возражая против описания в «Истории Сибири» Миллера Ермака в качестве разбойника, Ломоносов предлагал «буде оные рассуждения, которые об его делах с несколькими похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить». Протестуя против публикации миллеровского «Опыта новейшей истории о России», он отмечал, что «Миллер пишет и печатает на немецком языке смутные времена Годуновы и Растргины, самую мрачную часть российской истории, из чего

⁷⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 535.

⁷⁸ Мыльников А.С. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991. С. 35.

⁷⁹ Там же.

чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе»⁸⁰. Историк, по Ломоносову, должен быть «человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния,... природный россиянин,... чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию». Согласно же Миллеру, историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести»⁸¹. Примечательно, что, вопреки мнению Доронина, Екатерина II разделяла скорее позицию Ломоносова, когда в письме к Сенаку де Мельяну писала, что история России должна «принять только такую внешнюю форму и направление, которые бы проистекали из наибольшей славы государства и служили бы потомству как предмет соревнования и поучения»⁸². Эти слова императрицы, в свою очередь, прямо перекликаются с известным высказыванием декабриста М.Ф. Орлова в адрес Карамзина: «Желаю, чтобы нашелся человек, который, овладев, так сказать, рассказами всех современных историков, общим соображением преклонил насильственно все их повествования к одной и той же системе нашего древнего величия...»⁸³.

Тут стоит заметить, что, хотя истории русской исторической науки XVIII в. посвящены сотни исследований отечественных и зарубежных историков, однако роль исторического знания в формировании нацио-

⁸⁰ Библиографические записки. 1861. Т. III. № 17. С. 515–517; *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. С. 232.

⁸¹ Там же. С. 148–149; *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. I. С. 381. Ср. с замечанием Щербатова: «Не состоит должност историка самому повествование писателей, из которых выбирает деяния историческая, переменить. Может он учинить некоторые размышления по случаям обстоятельству бывших дел, но никогда до самых дел для того, что они благопристойнее и сходственнее были бы с обстоятельствами, касаться не может, ибо сие было бы писать роман, а не историю» (Письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской Истории, к одному приятелю с оправданием на некоторые сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Истории от г-на генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древния и нынешния России г-на Леклерка. М., 1789. С. 29–30). О взглядах Ломоносова и Миллера на историю и их споре см. подробнее: *Каменский А.Б.* Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991. С. 39–48.

⁸² *Пытин А.Н.* Исторические труды императрицы Екатерины II. Часть II // Вестник Европы. 1901. № 12. С. 761.

⁸³ Цит. по: *Формозов А.А.* Человек и наука. С. 140.

нальной (этнической и имперской) идентичности изучена явно недостаточно⁸⁴. Необходимо иметь в виду, что в допетровский период какие-либо исторические сведения общенационального характера вообще были достоянием крайне ограниченной группы грамотных людей, но и их знания не отличались сколько-нибудь систематическим характером, поскольку даже русские летописи были им недоступны. Для элитарных слоев Московской Руси история сводилась по большей части к истории рода, имевшей утилитарное значение в плане определения места лица на социальной лестнице. Можно утверждать, что в русском обществе допетровского времени в принципе отсутствовало какое-либо целостное представление об истории собственной страны. Создание общенациональной истории было, таким образом, по существу вообще *обретением* Истории и воспринималось как часть процесса превращения России в «политичное» государство. То, что при этом становление русской исторической науки хронологически совпадало со складыванием империи, накладывало на этот процесс определенное своеобразие, которое и уловил А.В. Доронин.

Историческая наука, как и иные сферы светской культуры и как наука вообще, складывалась в России под влиянием западноевропейских образцов, причем как под влиянием восходящей к Возрождению традиции мифологизированной национальной истории, так и формировавшейся критической школы. Это и создавало то, что сегодня видится как конфликт, хотя вряд ли осознавалось таковым самими участниками этого процесса.

Пожалуй, все русские историки XVIII в., начиная с Татищева и не исключая Ломоносова и Миллера⁸⁵, в своей деятельности в той или иной степени сочетали стремление к созданию национальной версии истории, построенной по каноническим западноевропейским образцам, с разработкой критического метода работы с историческими источниками. Как видно из приведенных выше цитат, для Щербатова отечество — это государство, Россия, Российская империя в ее нынешних границах. Создаваемая Ломоносовым, Щербатовым и иными историописателями

⁸⁴ Лишь отчасти эта проблема затронута в работе: *Слезкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 120–154.

⁸⁵ За годы жизни в России Миллер приобрел характерный для обрусевших немцев русский (правильнее — российский) патриотизм и свою важнейшую задачу видел в опровержении ошибок писавших о России иностранных авторов.

XVIII в. мифологема русской истории по своей сути была действительно национально ориентирована и уже следующими поколениями воспринималась как русская национальная история, история русского народа, но сами ее создатели вряд ли сознавали ее таковой. Для них, еще не знавших идеи нации в ее этническом значении, история России была историей русских просто потому, что «в составлении российского народа преимущество славян весьма явствует». Другие же составляющие империи народы в их понимании попросту не имели собственной, отдельной истории и, входя в империю, получали ее в виде русской истории, приобретающей общеимперское значение. Точно так же спустя столетия преподававшаяся во всех средних школах Советского Союза «история СССР» была по сути историей русских, а другие «братские народы» если и имели ее, то только до вхождения в единое государство. Неслучайно поэтому и в восприятии окружающего мира всякий гражданин СССР независимо от этнической принадлежности, был *Russian*.

О том, что представляемая Ломоносовым мифологема вовсе не была резко противопоставлена просвещенческой, свидетельствует, например, и история создания во второй половине XVIII столетия серий медалей на исторические темы, первая из которых — с изображениями русских князей и царей — основывалась на «Кратком российском летописце» Ломоносова, а другие разрабатывались Я.Я. Штелиным и Щербатовым и воссоздавали наиболее значимые, с точки зрения авторов, исторические сюжеты. Серии исторических медалей должны были создать своего рода зримый образ русской истории, предназначенный как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Неслучайно разработкой проектов медалей занималась и Екатерина II. При этом если медали на исторические сюжеты носили характерный для XVIII в. аллегорический характер, то основанная на трудах Ломоносова портретная галерея правителей России по меньшей мере наполовину была попросту фантастичной. И хотя современники об этом прекрасно знали, никакой конфликтности этой ситуации они, видимо, не ощущали. Что же касается императрицы, то ее «Записки касательно российской истории», в значительной степени основанные на «Истории российской» Татищева, должны были создать своего рода канон официального историографического мифа⁸⁶. Истори-

⁸⁶ См.: Гаврилова Л.М. Екатерина II в русской историографии. Чебоксары, 1996; Она же. Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000.

ческие изыскания Екатерины были, по сути, ее вкладом в формирование национальной имперской идентичности. С одной стороны, ее занятия историей явились, несомненно, результатом искренней увлеченности древностью, характерной для человека, чье миропонимание и повседневные практики складывались под влиянием Просвещения. С другой стороны, чрезвычайно чувствительная к настроениям своего времени, Екатерина, видимо, ощутила, что настал момент, когда необходимо придать складывающемуся историческому сознанию подданных определенные соответствующие потребностям власти формы.

Поиски парадигмы национальной истории формировали историческую память, в свою очередь игравшую первостепенную роль в конструировании нации. В этом контексте интерес к истории, выразившийся не только в писании исторических текстов (как профессионалами, так и любителями), но и в таких видах деятельности, как, например, собирание коллекций древностей (само понятие об артефакте как о *древности*, в силу этого обладающей определенной ценностью, приходит только с обретением в XVIII в. Истории), создание серий монет, историческая живопись, литературное творчество на исторические темы и пр. — все это было элементом учености, в свою очередь являвшейся системообразующим элементом новой, ориентированной на европейскую, идентичности.

Сюжет 6. Патриотизм: некоторые исследовательские проблемы

Разговор о Ломоносове уже непосредственно вывел нас на тему патриотизма, на которой, однако, нельзя не остановиться отдельно. В массовом сознании, сформировавшемся главным образом под влиянием прагматически ориентированного на воспитание гордости школьного курса отечественной истории, чувство патриотизма искони присуще всякому русскому человеку, начиная, по крайней мере, с Владимира Святого и Ильи Муромца. А уж то, что все сколько-нибудь значимые фигуры русской истории XVIII в. были истинными «сынами отечества», сомнений и вовсе не вызывает. В статье 1994 г., приводя характерную цитату из работы В.В. Мавродина, М.М. Кром совершенно справедливо заметил, что «до недавнего времени тема патриотизма в России была настолько идеологизирована, что ее творческая разработка была практически невозможна», а «подобный упрощенный подход совершенно не учитывает

специфики средневекового мировосприятия, превращает понятие патриотизма во внеисторическую категорию, не подверженную изменениям во времени»⁸⁷. Сборник, где была опубликована статья Крома, помимо нее содержит еще три текста, посвященных этой проблеме⁸⁸. Поскольку за истекшие 12 лет новых серьезных исследований этой проблемы не появилось (возможно, потому, что она вновь стала слишком идеологизированной), эти публикации можно рассматривать как своего рода зеркало историографической ситуации.

В совокупности четыре названные работы, напечатанные в сборнике в определенной последовательности, вроде бы должны были дать достаточно полное представление о феномене патриотизма в русской истории с древности и до конца XVIII в. Однако на деле статьи плохо согласуются друг с другом. Подход к проблеме, заявленный М.М. Кромом в процитированных выше словах (далее он делает попытку определить «патриотизм Нового времени»), разделяет лишь он сам. Если А.А. Горский анализирует высказывания древнерусских книжников XI–XV вв., характеризуя их как «патриотические формулы», то Кром прямо заявляет, что «патриотизм (в нашем понимании этого термина) не мог сформироваться в Древней Руси»⁸⁹. «Рождение патриотизма – в том смысле, который вкладывается в это понятие сейчас», произошло, по его мнению, «в атмосфере Смутного времени»⁹⁰. При этом автор особо подчеркивает, что этот патриотизм носил всеобщий характер, т.е. был разделяем всеми участниками событий вне зависимости от их социального статуса, образованности и пр. Поскольку статья Крома следует сразу за статьей Горского, то можно считать ее за прямой спор с предыдущим автором, однако следом идет статья Л.Е. Морозовой, утверждающей, что «первым идеи патриотизма высказал Иван Грозный»⁹¹. В статье же О.Г. Агеевой, посвященной XVIII в., правомерность использования понятия *патриотизм* сомнений не вызывает. Однако, совершенно справедливо отмечая, что

⁸⁷ Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). Москва, 1994. С. 16.

⁸⁸ Горский А.А. Представления о защите отечества в средневековой Руси. С. 6–15; Морозова Л.Е. К вопросу о времени появления понятия «патриотизм» // Мировосприятие и самосознание русского общества. С. 31–37; Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России. С. 38–50.

⁸⁹ Кром М.М. К вопросу о времени... С. 19.

⁹⁰ Там же. С. 25.

⁹¹ Морозова Л.Е. К вопросу о времени появления понятия «патриотизм». С. 35.

«представления о патриотизме в начале XVIII столетия не были одинаковы у различных групп населения», исследовательница затем, проанализировав фольклорные источники и повести, приходит к выводу, что «как таковые призывы “постоять за землю русскую”, “государство” или иные национально-государственные институты и символы, воспевание подвигов» там отсутствуют⁹². Таким образом, получается, что отмеченный Кромом в начале XVII в. всеобщий патриотизм за столетие таинственным образом куда-то испарился.

В качестве гипотезы можно предположить, что своего рода «вспышка» патриотизма в Смутное время была реакцией на социальные и политические катаклизмы, а главное – на угрозу самому существованию страны. По мере стабилизации «патриотические» настроения затухают, а события начала XVIII в., не таившие в себе угрозы существованию страны, их не стимулируют. В то же время для того, чтобы патриотическая риторика, ставшая частью официального политического дискурса, проникла в сознание «народных масс» и стала одной из мотиваций социального поведения, требовалось время, тем более что эта риторика, замешанная на идее общего блага, была направлена не только на военную, но и на гражданскую сферу. Однако эта гипотеза требует подтверждения эмпирическими данными. Например, стоило бы попытаться выяснить, проявлялись ли патриотические настроения во время многочисленных войн, которые вела Россия на протяжении всего XVII в., во время стрельеческих бунтов 1682 и 1689 гг., как отразилась в массовом сознании «измена» Мазепы, победа над шведами и т.д.

Возвращаясь к статье Агеевой, надо заметить, что в ней полностью отсутствует имперский контекст; автор даже не ставит вопрос о различении имперского и этнического, национального патриотизма. Как уже говорилось выше, вполне вероятно, такого различения в XVIII в. и не было, но это также требует проверки конкретно-историческими исследованиями. Еще один аспект патриотизма, требующий, на мой взгляд, специального рассмотрения, – это соотношение общероссийского и локального, местного патриотизма.

Как и было заявлено в начале данной работы, она охватывает далеко не все сюжеты, имеющие отношение к рассматриваемой проблематике.

⁹² Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России. С. 47.

Так, за ее рамками остались такие категории XVIII в., как *отечество*, *сыны отечества*, *гражданин*, *общество*, *родина* и ряд других, существующие специальные исследования о которых нельзя признать вполне исчерпывающими. Стоит при этом обратить внимание, что и эти, и иные категории, имеющие непосредственное отношение к политической лояльности, подданству и патриотизму в первый век формального существования Российской империи, на протяжении XVIII столетия не были статичны, но менялись, наполняясь новым смыслом и обретая новые функции. К примеру, очевидно, что к концу века под влиянием Просвещения *отечество* отделяется от *государства* и, как и некоторые другие категории, начинает использоваться в дискурсе, противопоставляемом официальному. Об этом, в частности, свидетельствуют приведенные выше слова из проекта Фонвизина — Панина. Впрочем, стоит обратить внимание на то, что все затрагивающие этот сюжет авторы пользуются крайне ограниченным набором цитат (Фонвизин, Радищев)⁹³.

В исследованиях последних лет особое внимание обращается на результаты реформ Екатерины II и в связи с этим на процессы, происходившие в последней четверти XVIII в. на локальном уровне. Существует точка зрения, согласно которой реформы способствовали зарождению элементов гражданского общества и, в частности, формированию гражданского самосознания (гражданственности — citizenship) у населения русского города. Эту точку зрения еще нужно доказать, но, если она подтвердится, возникнет вопрос о содержании «гражданственности» русских горожан XVIII в., о соотношении в ней локального и общероссийского, патриотического и связанного с личностными правами. Помимо этого, гражданственность, как считается, противопоставляется подданству. Если это так, то необходимо выяснить, имело ли место такое противостояние в России рубежа XVIII—XIX вв. Но и категория подданства также нуждается в уточнении. Следует, видимо, различать подданство как фор-

⁹³ Помимо того, что хорошо было бы обогатить эти наблюдения большим числом примеров, необходимо также более внимательно подойти к изучению их контекста. Так, к примеру, в 1782 г. полковник П.А. Бибиков в частном письме писал: «Кто мог бы быть столько бесчувствен, когда отечество от того страждет, чтоб смотреть с холодною кровью? Было бы сие очень смешно, но по нещастию сердце разрывается и видно во всей своей черноте несчастное положение всех, сколько ни на есть добромыслящих и имеющих еще в душе силу действующую...». Полковника можно было счесть предтечей декабристов, если бы весь его пыл не был направлен персонально против Г.А. Потемкина, переведшего его полк из теплой Новороссии в унылое Тамбовское наместничество.

мальный статус человека и как «состояние души», составляющую его идентичности. Наши современники — подданные английской королевы, надо полагать, в полной мере обладают гражданским самосознанием и не испытывают из-за этого конфликта идентичностей. Подданство, как и патриотизм, — это не вневременная, но историческая категория, содержание которой менялось, в том числе и на протяжении XVIII столетия. С другой стороны, современное *гражданство* (с ударением на первом слоге) как формальная принадлежность человека к большой группе людей, составляющей население той или иной страны, дающее ему правовой статус *гражданина* с оговоренными в Конституции *гражданскими* правами, вовсе не означает автоматического надления его гражданским самосознанием. Иначе говоря, мы вновь сталкиваемся с отсутствием ясности в определении категорий, которыми оперируем.

Особенность рассматриваемой проблематики состоит также в том, что она подобна клубку, образованному не одной, а множеством переплетенных нитей. Именно поэтому, как говорилось в самом начале, многочисленные изолированные исследования отдельных сюжетов не создают целостной картины, распадающейся на отдельные фрагменты, и делают необходимым комплексное исследование.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6 «Гуманитарные исследования»

1. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. *Дубин Б.В.* Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. *Руткевич А.М.* Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. *Андреев М.Л.* Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. *Самутина Н.В.* Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. *Никс Н.Н.* «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX в.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. *Юревич А.В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. *Андреев М.Л.* Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. *Руткевич А.М.* Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

15. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

16. *Капелюшников Р.И.* Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

17. *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

18. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

19. *Зарецкий Ю.П.* История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

20. *Фрумкина Р.М.* Культурно-историческая психология Выготского – Лурия. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

21. *Полетаев А.В.* Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960–2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

22. *Руткевич А.М.* Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

23. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знают ли американцы историю? Часть 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

24. *Вахштайн В.С.* «Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

25. *Савельева И.М., Полетаев А.П.* Знают ли американцы историю? Часть 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

26. *Зарецкий Ю.П.* Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану). Препринт WP6/2006/07. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

27. *Самутина Н.В.* Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

28. *Руткевич А.М.* Времена идеологов: философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

29. *Юревич А.В.* Психология революций. Препринт WP6/2007/03. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Препринт WP6/2007/04
Серия WP6
Гуманитарные исследования

А.Б. Каменский

**Подданство, лояльность, патриотизм
в имперском дискурсе России XVIII в.:
исследовательские проблемы**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*

Технический редактор *О.А. Быстрова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,1. Усл. печ. л. 2,8.

Заказ № . Изд. № 824

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3

Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3